

УДК [811.161.1+811.161.3]:371'27:398[(=161.3)+(=161.1)]

**ЗНАЧЕНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ О ХОРОШЕМ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПАРЕМИЙ)****канд. филол. наук, доц. Е.В. НИЧИПОРЧИК
(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)**

Представлены логико-синтаксические модели русских и белорусских паремий об объектах, получающих положительную оценку, и функциональное предназначение данных паремий. Устанавливается, что между типом логико-синтаксической организации паремий о хорошем и их прагматическим потенциалом существует связь. Эта связь не проявляется с жёсткой необходимостью, и интенциональные значения паремий детерминируются совокупностью факторов. К их числу относятся: направление развития мысли, определяемое субъектно-предикатными отношениями; наличие/отсутствие апелляции к худому; логичность/паралогичность в оперировании общеоценочным термином; характер соотношения поляризующихся понятий и их аксиологическая маркированность; аксиологический статус референта, представляющего предмет речи; ролевой статус говорящего в обозначаемой ситуации; характер взаимосвязи паремии с элементами дискурса, в который она встраивается.

Постановка вопроса о возможности нахождения корреляций между значением и назначением паремий с общеоценочным позитивным предикатом не случайна, если принять во внимание следующие положения: 1) пословицы и поговорки, являясь специализированными формами выражения определённых прагматических установок, и вне контекста функционально не аморфны [1, с. 7]; 2) оценка задаёт определённые параметры дискурса, и её интерпретация тесно связана с синтаксическими свойствами высказывания [2, с. 215]. Исходя из этого мы задались целью проследить связь между логико-синтаксической организацией паремий о хорошем (инвариантным значением логического характера) и прагматическими потенциями этих единиц. В качестве объекта исследования избраны паремии двух языков, так как устанавливаемые факты межъязыковой корреляции делают выводы о существовании разного рода закономерностей в продуцировании и употреблении паремиологических единиц более весомыми. Источниками фактического материала послужили словари пословиц и поговорок В.И. Даля [3], Н.Ю. Нещименко [4], М. Гринблата [5], Ф. Янковского [6], В.А. Касько [7], Е. Рапановича [8]. Были привлечены также данные толковых паремиологических словарей В.П. Жукова [9], А. Аксамитова [10], И.Я. Лепешева и М.А. Яколцевич [11].

Обращение к вышеобозначенной проблеме мотивировано тем, что соответствующий фрагмент паремиологического пространства и в том, и в другом языке не характеризуется достаточной степенью изученности, в то время как интерес лингвистов к категориям общей оценки не ослабевает, в том числе и при изучении разноязычных паремиопространств. Примем во внимание хотя бы тот факт, что в последнее десятилетие защищены несколько диссертаций, касающихся данной проблематики, это работы Л.В. Колижук [12], А.В. Заморевой [13], Н.Ю. Тразановой [14], А.И. Лызлова [15], М.Р. Бакировой [16], Д.Б. Кумаховой [17] и других. Однако вопрос, который рассматривается в настоящей работе, ранее не являлся предметом специального исследования.

При всём многообразии структурной организации паремиологических единиц нельзя игнорировать присущей пословичным выражениям логико-синтаксической членности на субъект и предикат мысли-предложения. Учитывая данный факт, к паремиям о хорошем мы относим и те выражения, в которых термин «хороший» используется для идентификации субъекта мысли-предложения, и те единицы, в которых термин «хороший» употребляется в предикатном значении, так как и в подобного рода суждениях речь идёт о хорошем. Отметим при этом, что из числа анализируемых паремиологических единиц были исключены паремии, в которых есть оба общеоценочных термина и субъектом мысли-предложения мыслится худое, это паремии типа: *Дурные сваты сватают – хорошему дорожку трут; Худая жена и хорошего мужа портит; У благога касца і добрая каса не косіць; Дрэжны пачатак – не к добраму канцу* (см. об общей системе типовых моделей организации смысла паремий о хорошем и плохом в [18, с. 349 – 354]).

Анализ русских и белорусских паремий о хорошем показал, что с точки зрения логико-синтаксической организации такие паремии представляют пять типов моделей.

1. Модели суждений о хорошем без эксплицитной отсылки к плохому:

1) хороший X обладает позитивным признаком Y: *Добрый портной с запасом шьёт; Добрый сосед – как хлеба сусек; Добра голова сто рук кормит; Доброе начало – половина дела; Добрая пословица не в бровь, а в глаз; Добрая гаспадыня за вузлы трымаецца; Добрае дзіця бацькоў мыслі адгадае; Добрая пасловица ў вочы колецца; У добрай галавы сто рук; Добраму ўсюды добра; Добры пачатак – палавіна справы.*

Подобного рода паремии представляют приём «дескриптивного развёртывания оценки», состоящий в том, что «вслед за оценочным предикатом эксплицируется эталон или фактическое положение вещей» [2, с. 216].

Очевидно, что данная логическая структура используется как форма для выражения разного рода смыслов: для сообщения адресату о том, в чём же заключается позитивная значимость характеризующего объекта и что, собственно, заслуживает социальной похвалы (констатирующая функция); для выражения одобрения позитивно значимых объектов (оценочная функция); для побуждения адресата соответствовать эталону (регулятивная функция). Заметим, что интенции рекомендательного характера формируются в данном случае на основании раскрытия позитивной значимости объекта и выражения позитивно окрашенного отношения к нему: *Добро не горит, не тонет* – делай добро, так как добро не забывается; *Доброе дело питает разум и тело* – стремись к добру, так как оно делает человека богатым интеллектуально и физически; *Добрая жонка цяплеі за валёнкі* – ищи хорошую жену, так как только хорошая жена сделает твою жизнь счастливой.

Реализация прагматического потенциала паремий осуществляется в соответствии с речевыми намерениями говорящего, детерминированными речевой ситуацией, в том числе отношением к собеседнику и его мнению, ожидаемым перлокутивным эффектом. Ср.: «*Феофан Затворник говорит: Доброе начало – половина дела, и советует отдать немного времени тому, чтобы войти в молитвенное настроение, не спешить перейти от обычных дел к молитве, а стать, или посидеть, помолчать, подумать: с чем я сейчас к Богу пришел, хочу ли я действительно с Ним встречи или встаю на молитву только по обычаю <...>?*» (митрополит Антоний (Блум) Ответы на вопросы о молитве (1975 – 1985)) (1) [19]; «*[Краскин:] Ну, таварыш камандзір, першы крок для фарсіравання Прыпяці зроблен – і дарога да яе праложана. [Шалэхін:] Ну, а далей што? [Краскин:] Добры пачатак – палавіна справы, таварыш камбат*» (Я. Колас. У пушчах Палесся) (2) [11, с. 135]; «*Даўно сказана, што добры пачатак – палавіна справы. Ва ўсім – вялікім, малым, самай найменшай дробязі. Важна толькі ўдала пачаць, зрушыць з месца, а там – паказвай кірунак, не разгубіся перад цяжкасцямі, што сустраўца на дарозе...*» (В. Праскураў. Святая сівізна) (3) [11, с. 135]. В первой речевой ситуации говорящий рекомендует, чтобы начало дела было хорошим, и далее поясняет, как это сделать; во второй ситуации употребление поговорки связывается не только с выражением удовлетворения ходом дел, но и с желанием говорящего возразить собеседнику, не оценившему достижений, аргументировать позитивное отношение к мероприятиям, о которых идёт речь; в третьей ситуации за констатацией мнения, заключённого в паремии, следует интерпретация смысла утверждаемого, раскрытие сути рекомендации.

Примечательно, что некоторые из паремий, представляющих анализируемую модель, а именно паремии о человеке, могут использоваться и как упрёк, аргумент для осуждения, если в той или иной конкретной речевой ситуации лицо, о котором идёт речь, искомыми качествами не обладает: «*Новая ня порыцца, а добрая ні валочыцца*. Прымаўляюць, калі хто-н. пачне хваліць таго, хто бадзьецца па свеце, і раіць узяць яго на работу» [10, с. 70]. Таким образом, в прагматический потенциал паремий о хорошем входят и такие интенциональные значения, которые связаны с выражением неодобрения, что является закономерным уже в силу того, что в паремиях, как правило, находит представление пара противопоставленных сущностей.

Но и этим не исчерпывается смысл употребления паремий о хорошем. Формула дескрипции свойств объекта, отнесённого к классу хороших, может служить основой для вынесения оценки не только контрастного в аксиологическом плане объекта того же рода, но и совершенно иного объекта, чем тот, который в грамматической структуре предложения-паремии представлен в позиции подлежащего: «*Добры гаспадар і сабаку з двара не выганіць у такую нягоду*». Кажуць таму, хто ў вельмі дрэнную пагоду хоча ісці куды-н. ці прыйшоў адкуль-н. «*Куды ты паедзеш? Паглядзі, што робіцца на дварэ? Дзвярэй нельга адчыніць. Добры гаспадар сабаку з двара не выганіць у такі дзень*» (І. Шамякін. Завіруха) (1); «*Ну і дождж!.. Агонь то весела патрэскваў, то ўздыхаў з парывамі ветру. «У такое надвор'е добры гаспадар, – казала мая маці, – і сабаку з хаты не выганяе*» (М. Танк. Лісткі календара) (2); «*– Як жа ты дабраўся? – запытаў Ляўкоў. – Гэта ж добры гаспадар у такую нягоду і сабаку не выганіць*» (С. Грахоўскі. Рудабельская рэспубліка) (3) [11, с. 134 – 135]. «*Когда я прибыл перед боем курантов на центральную площадь города, главный судья пробега Анатолий Горбатов заметил: «В такую погоду хороший хозяин и собаку на улице не выгонит*» (Пробег длиной в год (2003) // Марийская правда (Йошкар-Ола), 2003.01.10) (4) [19]. Интенциональные значения паремии не сводятся при этом к выражению только лишь оценочных смыслов. Как видно из приведённых контекстов, кроме того, что паремия может использоваться для собственно оценочной квалификации (2), возможно её употребление в качестве аргумента при отклоняющей рекомендации (1), а также для аргументации удивления (3), осуждения (4).

2) (если) хорош *X*, (то) хорош и *Y* (*Y* мыслится как объект, порождаемый *X*/связанный с *X*): *Доброе семя – добрый и всход; Доброму Савве добрая и слава; Доброму слову – добрый ответ; От добрых гостей ждут добрых вестей; За хорошим мужем и жена хороша; Пад добрым кустом трава зелянее, за добрым мужам жонка маладзее; З добрай кушачкі добрыя і птушачкі; На добрае запытанне добрае і адпавяданне; Сам добры – людзі добрыя; З добрага цеста добрая паляніца, з добрай дзеўкі добрая і маладзіца.*

Обобщённая мысль, или, по определению Л.Б. Савенковой, логема [20, с. 41], нашедшая отражение в данных паремиях, может быть сформулирована следующим образом: «одно добро обуславливает (порождает) другое добро», выражение данной идеи не требует дескрипции свойств позитивных объектов, так как оценочные слова мыслятся как заместители вполне «узнаваемых» признаков каждого из объектов оценки.

Паремии, представляющие данный логический инвариант, так же как и паремии, основанные на дескриптивном развёртывании положительной оценки, могут использоваться в речи в одних случаях для выражения одобрения, похвалы в адрес носителей позитивных качеств, в других – для предупреждения и даже осуждения тех, кто избирает для себя иные ценности. Понятно, что характер эмотивно окрашенного отношения меняется в зависимости от того, каков объект оценки в конкретной ситуации.

3) *хорош/хорошо X* (сообщение о том, что или кто (и при каких условиях) является хорошим): *Хорошо, что людям в угоду; Хороша воля с умом и деньгами; Добр Мартын, коли есть алтын; Хорошо в дорожке пирожок с горошком; Хорошо тому, кого хмель не берёт; Хорошо на печи пахать да заворачивать круто; Добра тое, што другія хваляць; Добра ўчыць паслушнага; Добра гатовае палажыць у рот; Добра там, дзе нас няма; Добре бабе пры дзеду: свежа рыба к абеду; Добра тут: мука ёсць і жонка замужам.*

Паремииологические единицы, представляющие данную модель, являются инвертированными суждениями о ценности и по своей логической направленности относятся к идентифицирующим структурам. Идентификация хорошего отражает результат поиска ценностно значимых объектов в мире и поэтому, как правило, содержит указание на опознаватели добра, а именно свойства объекта и условия, при которых объект может быть отнесён к позитивному аксиологическому полюсу.

Модель представлена целым рядом разновидностей, различие которых обусловлено неоднотипностью объектов оценки и обстоятельств, детерминирующих позитивную оценку: *хорош тот, который; хорошо тому, кто (у кого); хорошо то, что; хорошо тогда, когда; хорошо там, где; хорошо, если.* Наличие дейктических местоимений и наречий факультативно, равно как не все паремии являются сложными по своей структуре; характерным, тем не менее, является то, что практически все паремии данного класса допускают перефразировки с дейктическим компонентом либо условным союзом: *Хорошо, что людям в угоду* – Хорошо то, что людям в угоду; *Хороша воля с умом и деньгами* – Хорошо, если воля с умом и деньгами; *Добра ўчыць паслушнага* – Добра ўчыць таго, хто паслушны; *Добре бабе пры дзеду: свежа рыба к абеду* – Добре бабе, калі яна пры дзеду.

Функциональное предназначение паремий также разнообразно и зависит от того, что определяется как хорошее: оценивается ли человек, вещь, поступок или положение дел, каково место оцениваемого объекта на аксиологической шкале, в каком отношении к норме проявляет себя характер устанавливаемой обусловленности, согласуется ли эта обусловленность с представлениями о справедливости [см. 21, с. 102 – 109]. Отсюда пестрота и даже контрастность эмотивно окрашенных отношений, выражаемых паремиями данного класса: одни используются с целью выражения одобрения, удовлетворения, похвалы, другие – едкой иронии, осуждения, досады, сетования. Ср: *Везде хорошо, где есть добрые люди; Хорош квасок, коль шибает в носок; Добра хлебу за блінамі, добра і бацьку за сынамі; З адважным добра і ў лес ісіці и Хорошо ездить, у кого свой кнут – на чужих коней; Хорошо тому жить, кому не о чем тужить; Добра таму піць, з чыйго кішаня бяжыць; Добра старому хлусіць ды плёткі насіць, бо як тут дагадацца, калі нельга пераканацца; Добра сытага карміць, а лысага – галіць.*

Различна и прескриптивная направленность паремий: одни призывают соответствовать эталону, отклоняют от зла, предупреждают, другие рекомендуют смириться с несовершенством мира, отказаться от притязаний к лучшему и др.: *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот, кто на дело гож* – Цени человека по тому, как он работает; *Хорош гость, коли редко ходит* – Не будь частым гостем; *Хорошо кресло старому, колыбель малому* – Каждому своё, руководствуйся целесообразностью; *Хорошо около костра щепу огреть: дай подсесть к мешку, и я нагребу* – Учитывай обстоятельства; *Хорошо там, где нас нет* – Не ищи лучшей доли; *У сваёй маці добра і ў пасцелі паляжаці* – Цени отчий дом; *Добра смяецца той, хто смяецца апошні* – Не насмехайся, пока не узнаешь исхода дел; *Добра бабцы і ў шапцы* – Утешься малым.

Есть среди паремий анализируемой модели и шуточные выражения типа: *У нас в Тюмени хороши пельмени; Добра нашаму Юрку: сам на печи, ногі ў пячурку*; реплики-коммуникативы – *Добрыя весці, калі запрашаюць есці* – ответная реплика на приглашение. Таким образом, становится очевидным, что логическая схема со значением идентификации добра оказывается многозначной и смысл инвертированных суждений о ценности не сводится к указанию на то, что в этом мире есть добро, а что зло.

4) *X хорош/хорошо* (сообщение о том, что тот или иной объект (при определённых условиях) хорош): *Всякое дело с концом хорошо; Всякая прибаска хороша с прикраской; За свой грош везде хорош; У кого есть рожь, тот и мужик хорош; Жена при муже хороша; Всякая рыбка хороша, коли на уду пошла; Калі слова прыроднае, дык яно і добрае; Пець добра разам, а гаварыць па чарзе; На сваёй лаўцы й памерці добра; За свае грошы ўсюды харошы; Пры сонейку цёпла, пры мамцы добра.*

Если инвертированные суждения о ценности ориентированы на выявление в мире хороших объектов, указание на то, что есть хорошо, то неинвертированные суждения – на оценочную квалификацию

объектов (это *хорошо*). Однако, несмотря на различие в направлении развития мысли, в поговорках, представляющих и ту, и другую логико-синтаксическую модель, как правило, делается акцент на том, при каком условии тот или иной объект является хорошим, что, собственно, гарантирует позитивную оценку объекта. По этой причине поговорочные суждения и с препозитивным, и с постпозитивным общеоценочным предикатом при функционировании обнаруживают сходство: и в тех и других диапазон выражаемых отношений представлен как «+», так и «-» отношениями. Правда, в отличие от поговорок с термином позитивной оценки в начале фразы, ориентированность на выражение негативно окрашенного отношения у поговорок с данным термином в постпозиции отмечается реже. Конфликт выражаемой в поговорке положительной оценки с принятой в обществе шкалой ценностей наблюдается в тех поговорочных выражениях, в которых лицо или положение дел оценивается положительно как бы с позиций того, кто получает те или иные блага (т.е. с позиций того, кому действительно хорошо/кто хорош при том или ином условии), несмотря на то, что подобное положение дел (или оценка лица) не согласуется ни с общественно одобряемыми моделями поведения, ни с представлениями о справедливом распределении благ, ни с социально принятыми представлениями о благе вообще: *Дай грош, пусти поросёнка в рожь – будешь хороши; За грошы і дурань харошы; Чужымі рукамі жар заграбаць добра*. Проститель подобны поговорок, равно как и тот, кто такие поговорки использует в речи, намекает таким образом на относительность оценки, необходимость пересмотра жизненных позиций адресатом поговорочного текста или третьим лицом, цель использования такого рода поговорок может заключаться и в ожидании сочувствия от адресата в связи с констатацией факта несовершенства мира и др.

Среди неизменяемых поговорочных суждений о ценности есть и такие, которые представляют собой сообщения о «безотносительном», т.е. недетерминированном добре: *Хлеб да пироги и во сне добро; Навука – добрая штука*. Подобные поговорки единичны и используются так же, как и большинство других поговорочных единиц, представляющих анализируемую модель, для выражения одобрительного отношения к предмету оценки, направляя человека к добру, призывая ценить его и приобщаться к нему. Примечательно то, что критическое отношение к объекту к классу хороших при употреблении таких поговорок исключается.

2. Модели суждений о псевдо- и девальвированном хорошем:

1) хорош *X*, но обладает признаком, исключающим позитивную характеристику *X*: *Хороши молодец: ни коз, ни овец; Хороши плавают, лишь пузыри прядают; Жизнь хорошея: семерых в один кафтан согнали; Хороши каваль: каваў тапор, а з тапара шыла, а вышаў шык; Добра жыў: пяхотаю за канём хадзіў; Добры чалавек: як спіць, з дубінай прайсці можна*.

2) хорош *X*, но обладает признаком, девальвирующим позитивную характеристику *X*: *Хороши собо-лёк, да измят; Лицом хороши, да душою непригож; Хороши жена, да завистлива; Добр детинка, да лиха хмелінка; Сам хороши, а розуму няма і на два грошы; Добры дуб, ды дупляністы*.

Поговорки, представляющие обе модели, имеют двучастную структуру, в первой части объект оценки определяется как хороший, а во второй части осуществляется дескрипция свойств, вскрывающих основания ложной оценки либо свидетельствующих об ущербности «хорошего». Ущербность хорошего в каком-либо из отношений, как правило, переводит характеризуемый объект в ранг худых, непригодных, отвергаемых.

Заметим, что между поговорками с антифрастическим «хорош(-о)»/«харош», «(добр(а))» и поговорками, в которых речь идёт о девальвированном добре, нет чётких границ, так как ущербность добра в условиях неопределённости объёма понятия «хороший» может ассоциироваться с отсутствием именно того признака, на основании которого и возможно отнесение объекта к классу хороших. Ср.: *Хороши у курицы хода, да переломлена нога; Хороши наплин, да ногами худ; Хороши дудка, да не дудит; Хороши плошка, да подтекает немножко; Добры конь, але воз не вязе*.

Несомненно, подобные выражения являются суждениями об объектах, подлежащих критике, несмотря на наличие в составе выражений общеоценочного термина с позитивной семантикой. В игре на противоречии, в одних случаях – «хорош-то, хорош, да на самом деле худ», в других – «хорош в одном, а в другом-то худ», и заключается особая воздействующая сила поговорок, представляющих данные модели.

В определённом смысле «сглаживание» противоречия, обусловленное признанием относительности оценок, наблюдается в выражениях, содержащих ссылки на то, что субъектом оценки является другое (другие) лицо (лица), а не говорящий; тем не менее и в этом случае позитивная оценка переводится в разряд сомнительных, мнимоположительных: *Хороши дочь Аннушка, когда (коли) хвалит мать да бабушка. Сказали, у жениха сапоги хороши: ан закаблучья одни*.

Антифрастическое «хорошо»/«добра» может использоваться не только для оценки человека, его состояний, пристрастий, но и для оценки вещей, положений дел и др. [см. 22, с. 331 – 336]. Представляя смягчённую иронической тональностью форму выражения отрицательной оценки, модель характеризуется продуктивностью, и это в определённой мере обуславливает богатство смысловых нюансов и разнообразие интенциональных значений, реализуемых поговорками, представляющими данную модель: *Хороши свобода, да крапивою поросла – сетование; Добра рыбацьлі, але рыбы не бачылі – досада; Добрыя зубы:*

і кісель ядуць – незлобивая шутка; *Добры: што ўкусиць, то з'есць* – подтрунивание; *Хорош: давал за него чэрт грош, да спятілся* – едкая ирония; *Усе бабры дабры, адна выдра ліхая* – упрёк; *Галава добрая, ды на дурныя плечы наладжана* – осуждение.

Паремии об ущербном добре менее безобидны, чем паремии с антифрастическим «хорошо», так как употребление термина «хороший» как заместителя позитивных свойств на фоне показа негативных качеств того же самого объекта оценки, как правило, не предполагает шутиливой тональности: *Хороша Клава, да плоха про неё слава; Хороша очами, да нехороша речами.*

3. Модели суждений о хорошем, характеризуемом в отношении к плохому:

1) хорошему не свойственно плохое/от хорошего не может быть плохого: *Про хорошее худого не скажут; К доброму плохое не пристанет; Сделав добро, худа не ждуть; На хорошей крыше трава не растёт; Ад добрай дочкі не бегае маці ўпрыхкі.* По сути, паремии данного класса служат реализации идеи «хорошее обуславливает/порождает только хорошее», однако с явной отсылкой к худому, что, естественно, сказывается на прагматическом потенциале паремиологических единиц, так как фокус оценки направляется в этом случае на негативные объекты. Отсюда соответствующие интенциональные значения паремий – предостережение, упрёк, осуждение.

2) и хорошему может быть свойственно плохое: *И в хорошей капусте гнилые кочни есть; И на доброго коня бывает спотычка; I ў добрай сям'і вырадак бывае.* Так как «порождение» хорошим худого скорее исключение, чем закономерность (что подчёркивается наличием частицы «и» в структуре паремий, представляющих подобного рода ситуации), назначение паремий связывается с оправданием хорошего, обнаруживающего ущербность в том или ином отношении.

3) хорошее плохим не испортить: *Кто доброе творит, того зло не вредит; Добро худо переможет; Добраму жываці і камень не пашкодзіць.* Пафос такого рода паремий заключается в утверждении идеи победы добра над злом, поэтому смысл употребления паремий, представляющих данную логику, сводится к похвале, выражению удовлетворения, одобрения.

4. Модели оппозитивных суждений о хорошем и плохом:

1) хороший X обладает качеством Y, а плохой X обладает качеством Z: *Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье; Добрый Иван – и людям, и нам; худой Иван – ни людям, ни нам; Добрый человек платит от радости, а злой – от зависти; Доброму гостю и сухарь на здоровье, а злomu и мясное не впрок; Добраму ўсюды добра, а кепскаму кепска; Добры і богу трэба, а благога і чорт не бярэ; Добры сем'янін у хату горнец, а благі з хаты выносіць; Добрая жонка – вянец, а ліхая – канец.*

Дескрипция свойств положительно оцениваемых объектов, осуществляемая в сопоставлении с объектами, определяемыми как плохие, даёт возможность усиливать контрастом положительную значимость одних и ущербность других объектов. Такие паремии в равной мере могут быть использованы в качестве похвалы либо осуждения, для выражения удовлетворения положением дел либо сетования. Однако, учитывая то, что отклонение от нормы в большей степени волнует человека, чем соответствие норме, можно предположить, что паремии, сообщающие о контрастности свойств позитивных и негативных объектов, чаще используются в ситуациях проигрыша добра, нежели в ситуациях аксиологического благополучия. Данное обстоятельство находит отражение и в словарных дефинициях паремий: *«Добрая слава лежит, а дурная бежит.* Дурная слава быстро распространяется, а доброе о человеке может остаться неизвестным. – *На чужой роток не накинешь платок. Возвести напраслину на кого угодно можно. – Эх, сынку! Добрая слава лежит, а худая бежит. Вернётся Оксана с фронта, каково ей будет слушать про тебя?»* (Поповкин, Семья Рубанюк) [9, с. 105]. *«Добрае далёка чуваць, а дрэннае яшчэ далей.* Дрэнная слава распаўсюджваецца хутчэй і далей, чым добрая. Ужываецца як адмоўная ацэнка чаго-, каго-н. дрэннага» [11, с. 131].

2) X хороший/хорошо, а Y плох/плохо: *Недолгая речь хороша, а долгая – поволока; С его совестью жить хорошо, а умирать плохо; Хто нюхаець табачок, тэй добры мужычок, а хто зажываець табакі, не варт сабакі.*

Паремии, представляющие и первую, и вторую модели, в равной мере нацелены на осуществление ориентации человека в ценностном мире, однако паремии с общеоценочным термином в предикатной позиции существенно уступают в количественном отношении паремиям с аналогичным термином, служащим идентификации предмета речи. Следовательно, для обыденного сознания дескрипция свойств релевантных в ценностном отношении объектов является более значимой, чем вынесение собственно аксиологического вердикта. Сыграло свою роль, по-видимому, и то, что паремии с дескрипцией свойств кажутся богаче в информативном плане, чем паремии со значением аксиологической таксономии, в силу свойственной последним «известности» итога развития мысли.

5. Модели суждений о предпочтении:

1) хороший X лучше (лучше, чем) Y: *Добрый пример лучше ста слов; Добрый друг лучше ста родственников; Добрая цнота даражэй ад срэбра й золата; Добрае слаўцо лепей, чым сальцо; Добрае брацтва дарожа багацтва; Добры чалавек лепей за каменны мост;*

2) хорошо X, а (и того) лучше Y: *Хорошо птичке в золотой клетке, а того лучше на зеленой ветке; Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит; Добра ў свеце, лепи пры матцы; Добра на Доне, ды лепей у сваім доме;*

3) X хорошо, а Y лучше: *Ум хорошо, а два – лучше; На красивую глядеть хорошо, а с умною жить лучше; Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое; Правда хорошо, а счастье лучше; У гасцях добра, а дома лепи; У акне добра, а за акном – лепей.*

В паремиях о предпочтении в пределах хорошего, по мнению Н.Д. Арутюновой, устанавливается аксиологическая иерархия объектов и, как правило, подчёркивается особое достоинство лучшего из них [2, с. 268]. Данное обстоятельство обуславливает то, что такого рода паремии, с одной стороны, используются в речевых актах прескрипции и автопрескрипции в качестве своеобразных мотивов и установок, в соответствии с которыми следует действовать, с другой – могут употребляться и с целью выражения одобрения, похвалы.

Определяющим фактором в актуализации того или иного интенционального значения паремиологической единицы являются контекстуальные условия, реальные условия употребления паремии в речи. Так, например, пословица *Ум хорошо, а два – лучше*, как показывают материалы Национального корпуса русского языка [19], может использоваться в качестве 1) аргумента в поддержку просьбы: *«А лучше, – писал я подруге молодости, – помогла бы ты мне и поделилась тем, что имеешь: ум хорошо, а два лучше»*. [Сергей Гандлевский. НРЗБ // Знамя, 2002]; Опасаемся мы, чтобы не подох, – такой он чудесный котик. Ветеринар? Был ветеринар и примочку дал – только уж и вы навестите. Ум хорошо, а два лучше. [Г.В. Иванов. Петербургские зимы (1928)]; аргумента в поддержку рекомендации: Так готовься, братец, поедешь в подмогу Бауэру. Ум хорошо, два лучше. Хлопочите, помогите угодить фреерушкиной супруге. [Г.П. Данилевский. Потемкин на Дунае (1876)]; 2) аргумента в поддержку предложения помощи: – Я... я, право, не знаю, как вам это сказать... Я обдумую, – затруднительно пожал он плечами. – В таком случае обдумаем вместе. Ум – хорошо, два – лучше, говорит ваша русская пословица. [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Роман в шести частях. Ч. 6. (1867)]; 3) аргумента при принятии решения в процессе самоубеждения: *Теперь он настойчиво размышлял над тем, как сдвинуть дело с мертвой точки. «Один ум хорошо, а два – намного лучше!» – решил Панфилов и постучал в кабинет номер восемнадцать* [Максим Милованов. Кафе «Зоопарк» (2000)]; *А тут вот и вывертывайся, как знаешь... С хозяином посоветуюсь; человек он, кажется, не глупый, опять же ум хорошо, а два лучше того...»* [П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871 – 1874)]; 4) аргумента в оправдание волеизъявления: *По выходным же какая-то непреодолимая сила выбрасывает меня из постели чуть свет, и к полудню, когда просыпается жена и намекает, что, мол, неплохо бы проглотить утреннюю чашечку кофе, у меня уже готов новый рассказ. И, на мой взгляд, отличный. Но мне не терпится услышать и ее мнение, потому что ум – хорошо, а два – лучше.* [Борис Левин. Иностранное тело (1965 – 1994)]; а также 5) для объяснения третьему лицу мотива действия: *Я размышлял над решением этой проблемы, серьезно размышлял, но так и не пришел к должным выводам. Ну, думаю: «Ум хорошо, а два лучше». Создал комиссию: я и Фукс* [Андрей Некрасов. Приключения капитана Врунгеля (1960 – 1980)]; *Я посоветуюсь со своей стороны с лучшими здешними докторами. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица* [Н.В. Гоголь. Письма 1836 – 1841 гг. (1836 – 1841)]; 6) для выражения удовлетворения положением дел: *Попробуйте вот так повернуть нитки, – начала она опять через несколько минут. Я послушался, и в самом деле работа пошла еще гораздо лучше. Я заметил ей это. – Вот видите, – сказала она с торжествующим видом, – ум хорошо, а два лучше* [А.В. Никитенко. Дневник. Том 1 (1826 – 1855)]; 7) для оценки тех, кто не отличается большим умом: *Так... правильно их поженили. Они друг друга стоят. Выражение «Ум хорошо, а два – лучше» не про них.* [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]. Как видим, наиболее регулярно данная паремия используется в речи для мотивации принятого решения, совершённого действия или того действия, которое говорящий намеревается совершить, с целью подкрепления выраженной имплицитно или эксплицитно прескрипции (в том числе и автопрескрипции), т.е. в аргументативной функции. Специфика данной функции, по мнению исследователей А.Ю. Белецкой [23] и С.Н. Авериной [24], заключается в том, что она является сопутствующей иным иллокутивным установкам, в частности перформативным актам. Употребление паремии в речевых актах оценки – для выражения похвалы или, наоборот, неодобрительного отношения – отмечается реже.

Использование паремии в качестве фразовой номинации, встраиваемой в текст при помощи метатекстовых операторов типа *принцип, выражение, пословица*, лишает, как правило, паремию собственного интенционального значения; паремия в данном случае выступает как строевая единица в констатирующем макродискурсе: *«Ум хорошо, а два лучше» – этот простой принцип и помогает новаторам многочисленных советов и лабораторий. В цехах заводов и фабрик организуются сотни выступлений авторов различных усовершенствований. Там же, прямо на рабочих местах, они демонстрируют свои методы. Новаторы – люди особенные, они остро чувствуют нужды родного завода, своего цеха, участка, бригады.* [Геннадий Владимиров. Совет новаторов – новаторам страны // Техника – молодежи, 1977]; *Принц Танкред захотел, по своей привычке, щегольнуть знанием Востока. Он сказал: – Все эти парламентские дебаты,*

о, чего они стоят! В России я слышал такую поговорку: один ум – хорошо, два ума – лучше. Это, пожалуй, несколько пикантно для полуварварской страны, где ум никогда не был в большом почёте [Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)].

Примечательно, что, будучи по форме суждениями о хорошем (субъект мысли-предложения – позитивно оцениваемая сущность), паремии с общеоценочным восходящим компаративом, как мы убедились на примере паремии *Ум хорошо, а два – лучше*, могут быть предназначены для выражения оценочного отношения не только к хорошему, но и к плохому. Это может быть не только в том случае, когда оценка производится методом «от противного», но и в случае, когда сопоставлению подвергаются аксиологически неоднородные категории, т.е. вторым противочленом является негативно оцениваемый объект, например: *Доброе молчанье лучше худого ворчанья; Добры сабака лепши за лихога чалавека*. Такие паремии нацелены на то, чтобы отвратить человека от зла, иными словами, их иллокутивная сила заключается в осуждении негативного и рекомендации предпочесть социально одобряемые модели поведения.

Заключение. Наши наблюдения подтверждают, что между типом логико-синтаксической организации паремий о хорошем и их прагматическим потенциалом существует связь. Эта связь не проявляется с жёсткой необходимостью и детерминируется совокупностью факторов как собственно содержательного, так и ситуативного характера. В качестве значимых в прагматическом отношении факторов содержательной организации паремий о хорошем выступают: направление развития мысли, определяемое субъектно-предикатными отношениями, наличие/отсутствие апелляции к худому, логичность/паралогичность в оперировании общеоценочным термином, характер соотношения поляризующихся понятий и их аксиологическая маркированность.

Паремии о хорошем без эксплицитной отсылки к плохому, представляющие движение мысли от оценки к дескрипции свойств, как правило, связаны с выражением общей идеи одобрения позитивно значимых объектов, находящей воплощение в речевых актах похвалы, совета, назидания в оптимистическом ключе. Однако имплицитное присутствие ценностного антипода в данных паремиях делает возможным их употребление и с целью хулы, назидания с укором. Паралогичные суждения о хорошем, т.е. суждения, эксплицирующие основания ложной оценки, предназначены для выражения негативной оценки, смягчённой иронической тональностью. Иное направление развития мысли в паремиях без эксплицитной отсылки к плохому, а именно от оценки к объекту, опознаваемому по условиям его отнесения к классу хороших объектов, или от объекта к оценке, связано с реализацией идеи относительности добра, зависимости добра от тех или иных условий. И от того, насколько эти условия реальны, достижимы, нормативны (оценка условий представляет пресуппозитивные фоновые знания), зависит характер выражаемого отношения, варьирующийся от похвалы до хулы, от удовлетворения положением дел до сетования. Если же речь идёт о безотносительном хорошем, смысл употребления паремии заключается в выражении одобрения позитивно значимого объекта и в рекомендации ориентироваться на него.

Включение в состав паремии общеоценочного термина с отрицательной семантикой, независимо от того, какое направление развития мысли при этом избирается, переводит, как правило, фокус оценки на негативные объекты, поэтому позитивная оценка зачастую является лишь фоном, способствующим интенсификации негативной оценки, и функциональное предназначение паремий связывается с осуждением, сетованием, укором, назиданием. Паремии с характеристикой добра в его отношении к худу реализуют интенциональные значения, связанные с утверждением идеи победы добра над злом, отмежеванию добра от зла: добро соответственно восхваляется, а зло порицается. Аналогичны интенциональные значения и паремий о предпочтении добра злу. Паремии же о предпочтении в сфере позитивных объектов носят, как правило, рекомендательный характер, мотивируют выбор, используются для похвалы либо оправдания.

К числу ситуативных факторов, влияющих на реализацию прагматического потенциала паремий о хорошем, относятся: аксиологический статус референта, представляющего предмет речи, ролевой статус говорящего в обозначаемой ситуации, характер взаимосвязи паремии с элементами дискурса, в который она встраивается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 1999. – 42 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
3. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
4. Русские пословицы и поговорки / сост. Е.Ю. Нецименко. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 304 с.
5. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад. М. Грынблат; пад рэд. А.С. Фядосіка. – Мінск, 1976.
6. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 494 с.
7. Касько, У.А. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А.К. Сержпутоўкага / У.А. Касько. – Мінск: Выш. шк., 2005. – 383 с.

8. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / склад. Я. Рапановіч. – Мінск: Выш. школа, 1974. – 384 с.
9. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Изд-во «Рус. яз.», 2000. – 544 с.
10. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумач. слоўн. беларус. прыказак і прымавак з арх., кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 320 с.
11. Лепешаў, І.Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І.Я. Лепешаў, М.А. Якалцэвіч. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 511 с.
12. Колижук, Л.В. Концепты “good” и “evil” в британской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Колижук; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2010. – 22 с.
13. Заморева, А.В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке (системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Заморева; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2007. – 26 с.
14. Тразанова, Н.Ю. Параметризация паремиологии как аксиологического кода лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.Ю. Тразанова; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2012 – 23 с.
15. Лызлов, А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях: на материале компаративных и негативных конструкций английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.И. Лызлов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 22 с.
16. Бакирова, М.Р. Языковая концептуализация положительной оценки паремиологического фонда английского и татарского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Р. Бакирова; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2010. – 27 с.
17. Кумахова, Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира: на материале кабардино-черкесского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Д.Б. Кумахова; Кабардино-Балкарский гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2010. – 27 с.
18. Ничипорчик, Е.В. Типовые модели организации смысла паремий о хорошем и плохом / Е.В. Ничипорчик // Фразеология и познание: сб. докл. 2-й междунар. науч. конф. (Белгород, 7 – 9 сент. 2010 г.): в 2 т.; отв. ред. проф. Н.Ф. Алиференко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1: Фразеология и познание. – С. 349 – 354.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>. – Дата доступа 24.06.2012.
20. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
21. Ничипорчик, Е.В. Паремические тексты с детерминированным *хорошим* / Е.В. Ничипорчик // Материалы XXXVI Междунар. филол. конф., 12 – 17 марта 2007 г. – СПб., 2007. – Вып. 19. Фразеология в тексте и словаре. – С. 102 – 109.
22. Ничипорчик, Е.В. Деинтенсификация негативной оценки в паремическом тексте (на материале рус. и белорус. паремий) / Е.В. Ничипорчик // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захаванняў постчарнобыльскі час: зб. навук. арт. / рэдкал.: А.А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2006. – С. 331 – 336.
23. Белецкая, А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ю. Белецкая; Оренб. гос. пед. ун-т. – Самара, 2002. – 22 с.
24. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / С.Н. Аверина; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 23 с.

Поступила 13.07.2012

THE MEANING AND PURPOSE OF PROVERBIAL JUDGMENTS ABOUT THE GOOD (BASED ON RUSSIAN AND BELARUSIAN PROVERBS)

A. NICHYPORCHYK

The author describes the logical-syntactical models of Russian and Belarusian proverbs about the objects that receive a positive evaluation, and the functional predestination of these proverbs. It is established that there exists a connection between the type of logical-syntactical organization of proverbs about the good and their pragmatic potential. This connection does not occur with strict necessity, and intentional meanings of proverbs are determined by an aggregate of factors. These factors are the direction development of thought defined by subject-predicate relations, the presence / absence of an appeal to the bad, logicity / paralogicity in operating of term of general evaluation, character of the relation of contrasting concepts and heir axiological marking, axiological status of the referent that is the subject of speech, role status of the speaker in the denoted situation, the character of the connection of a proverb with the elements of discourse in which it is embedded.